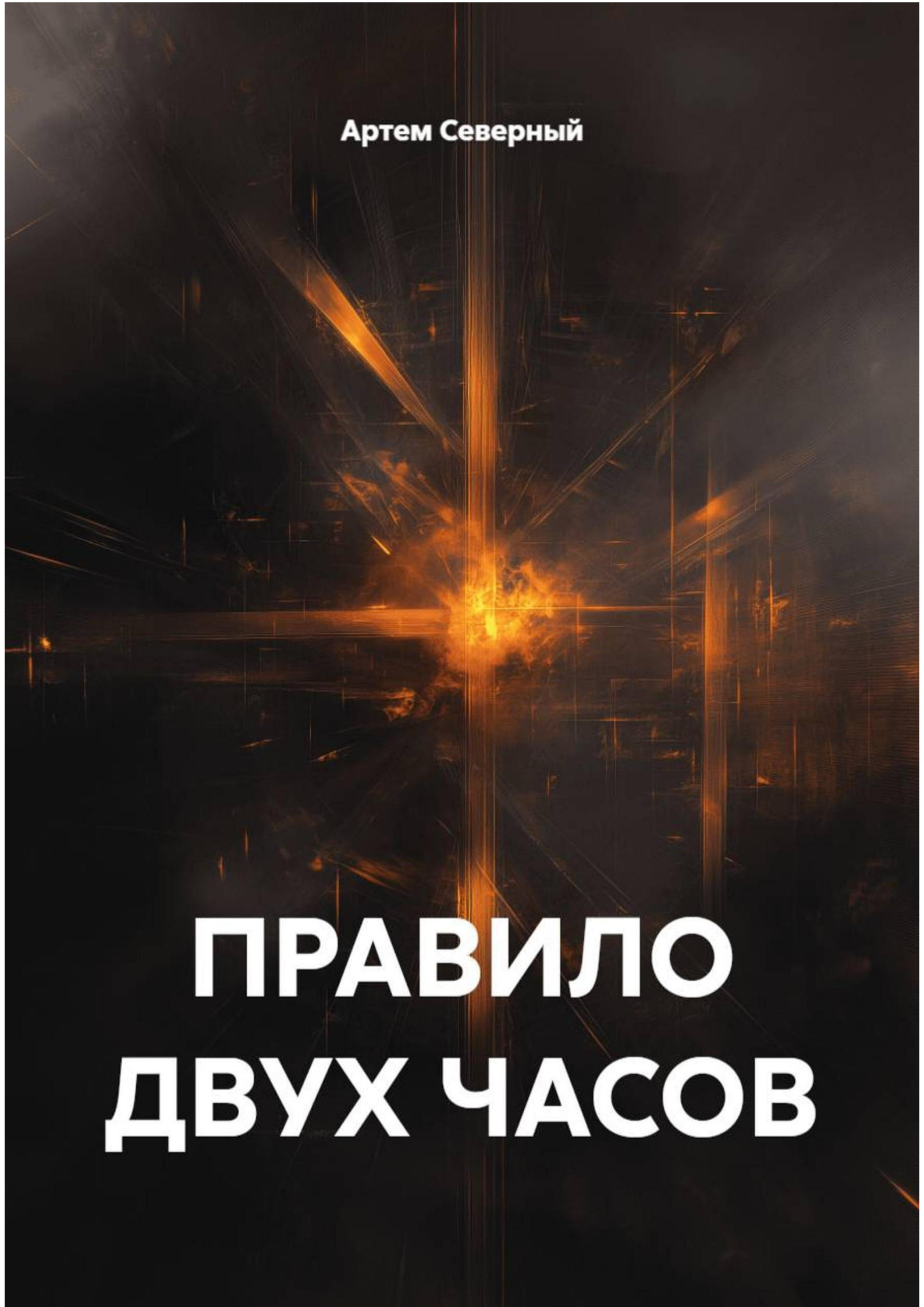

Артем Северный

ПРАВИЛО ДВУХ ЧАСОВ

Артем Северный

ПРАВИЛО ДВУХ ЧАСОВ

«Автор»

2026

Северный А.

ПРАВИЛО ДВУХ ЧАСОВ / А. Северный — «Автор», 2026

Городская больница 6 отрезана от мира аномальным холодом. Интерн Илья Воронов заперт в подвале морга, где действует один закон — «Правило двух часов». Двигаться, работать и дышать в полную силу можно, только пока ревет изношенный дизель, маскирующий звуки. В последующие четыре часа мертвой тишины любой шорох или хруст сустава — это смерть. Когда по шахте кухонного лифта в морг начинают спускать тела детей и стариков со следами насильственной фиксации, Илья понимает: засевшая на верхних этажах банда хладнокровно уничтожает «балласт» ради экономии ресурсов. Вступая в смертельную игру с мародерами в абсолютной темноте, студент-медик сталкивается с чем-то куда более жутким, чем человеческая жестокость. В тишине коридоров шуршит старой одеждой и крадет их голоса кто-то седьмой, а само время закручивается в неразрывную петлю.

© Северный А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава I. Цокольный тупик	5
Глава II. Скрежет в темноте	6
Глава III. Симфония изношенного чугуна	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Артем Северный

ПРАВИЛО ДВУХ ЧАСОВ

Глава I. Цокольный тупик

Вторые сутки ты живешь в морге, но на самом деле время сдохло где-то на исходе первой недели. Человеческий мозг совершенно не приспособлен к абсолютной изоляции в пространстве, пахнущем раствором формалина, влажным бетоном и застоявшейся смертью. На третьей неделе наступает то, что старые полярные врачи именовали «синдромом глубокого заdraивания». Восприятие времени деформируется.

Здесь действует одно-единственное, непреложное правило: двигаться можно только тогда, когда ревет генератор. Дизель работает ровно два часа, а затем молчит долгие, удушливые четыре. Солярку берегут так, словно это не фракция нефти, а плазма крови. Пока этот механический монстр содрогается в конвульсиях, у Ильи есть право быть живым. Но когда генератор замолкает, подвал затапливает ОНА. Тишина.

Хронометр на левом запястье — старая отцовская «Амфибия» — показывал 03:58. До конца двухчасового цикла оставалось сто двадцать секунд. Звуковой ландшафт работающего генератора шел на излете второго часа — стадия «захлебывания». Вздох-вздох-клатанье. Частота пульса искусственно удерживалась на отметке 58 ударов в минуту.

03:59. Дизель издал протяжный, надрывный всхлип. Обороты начали падать. Янтарная нить накала в лампе под потолком качнулась и погас. Всё кончилось. Генератор замолчал. Наступила тишина такой плотности, что Илье показалось, будто ему в ушные раковины залили расплавленный воск.

Кап... кап... Вода пробивала резиновую прокладку старого смесителя с периодичностью раз в четыре секунды. Каждая капля взрывалась в пустом зале морга подобно пистолетному выстрелу.

Организму требовалось сохранять абсолютную неподвижность, но статическое положение — это медленное убийство мускулатуры. В тканях начал стремительно накапливаться лактат. Илья чувствовал этот процесс физически: сначала появилось легкое покалывание в подушечках пальцев ног, затем оно сменилось тупой, давящей болью в икрах. Мышцы буквально кричали: «Двигайся!». Но Илья знал, что если он сейчас выпрямит ногу, сустав издаст сухой, резкий хруст.

Где-то на исходе второго часа тишины изнутри чугунной шахты кухонного лифта раздался натужный, металлический стон. Эта техническая вертикальная шахта шла через все девять этажей огромного больничного комплекса. Прижмешься ухом к дверце и слышишь всю больницу. Второй этаж: там мародеры вскрыли сейф с наркотиками и смеются. Третий этаж, детская: мальчик задыхается, а чужой холодный голос отвечает, что лекарство теперь только для своих. К вечеру мальчик затих. Илья зафиксировал это в памяти.

Время ползло к четырем часам утра. Самое страшное время суток. Лактат в ногах Ильи превратился в жгучую кислоту. Мышцы сводило судорогой. Он медленно, тратя на каждое движение по тридцать секунд, опустил стопы на пол. Старая подошва его медицинских сабо едва коснулась бетонного покрытия. Скрип. Звук был крошечным, но в этой звенящей тишине подвала прозвучал как раскат грома. И в этот момент на лестнице раздались шаги.

Глава II. Скрежет в темноте

Быт морга шестого терапевтического корпуса за три недели изоляции превратился в безупречно отлаженную рутину выживания. Помещение цокольного этажа состояло из трех смежных залов: предсекционной, основного секционного зала с двумя массивными столами из нержавеющей стали и трупохранилища. Холодильники давно не работали. Внутри них стоял густой, сладковато-кислый воздух начальной стадии гниения.

Наручные часы показывали 05:40. Вдруг из глубины подвала стальной трос внутри лифтовой шахты натянулся и запел на высокой, звенящей ноте. Кхххх-рррр-щщщ... Кто-то наверху вручную начал спускать кабину вниз. Кабина двигалась медленно, рывками.

Илья на четвереньках пополз к лифтовой двери. Заслонка лифта медленно поползла вверх. Внутри тесной кабины лежало тело Дениса Ковалева. Ему было не больше десяти лет. На шее ребенка отчетливо проступали сине-багровые полосы — следы фиксации гортани. Лицо мальчика было одутловатым, цианотичным — классическая маска истинной асфиксии. На лучезапястных суставах виднелись свежие, глубокие вдавливания от брезентовых ремней. Ребенка привязывали к кровати. Его сознательно лишили возможности дотянуться до ингалятора.

Илья протянул руки внутрь металлического ящика. Тело было еще теплым — температура ядра составляла примерно тридцать пять градусов, мышечное окоченение еще не началось. Он потянул тело на себя, сухая ткань пижамы зацепилась за выступающий болт. Треееск. Илья замер, удерживая половину веса мальчика. Руки начали мелко дрожать. Одним плавным движением он выдернул тело из лифта, принимая его на свою грудь.

Из легких трупа с тихим, свистящим звуком вырвался последний воздух: «Ххх-ууу...». Илья перекатил мальчика на матрас и в темноте нашел журнал регистрации. Карандаш беззвучно пополз по бумаге: «Объект 14. Смерть носит насильственный характер».

Глава III. Симфония изношенного чугуна

В 07:59 Артур Седой вручную провернул маховик в дизельном отсеке. Пш-ш-ш-их... Бум. Клац. Огромный советский двенадцатицилиндровый дизель вздрогнул и взорвался оглушительным, яростным ревом. Частота в 40 Герц ударила по барабанным перепонкам. Лампы аварийного освещения загорелись ровным янтарным светом. Правило двух часов вступило в силу.

В дизельной пахло перегретым солидолом, едкой соляркой и махоркой. Артур «Седой» Пилипенко стоял у распределительного щита. В свои пятьдесят шесть лет он выглядел как кусок старого дуба, левый глаз косил после контузии.

— Принял еще одного, студент? — хрипло спросил механик. — Мальчик. С третьего этажа. Это Тарасов. Его почерк, — ответил Илья. Седой повернул голову: — Тарасов бережет ресурсы, Илья. Нам осталось солярки на две недели. Твой малец все равно бы не выжил. Тарасов сбрасывает балласт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.